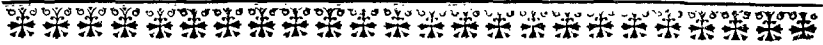

Страхов П. С. Антисоциалистическая религиозность [Рец. на:]
Булгаков С. Н. Два града: Исследование о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 1–2 // Богословский вестник 1911. Т. 1. № 3. С. 601–615 (2-я пагин.). (Начало.)

Антисоциалистическая религиозность.

(По поводу книги С. Н. Булгакова: „Два града“).

Кто внимательно слѣдилъ за тѣми религиозными вѣяніями, которыя стали особенно ярко проявляться, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ социологическихъ разочарованій, въ средѣ нашей интеллигенціи, не могъ не замѣтить того, что при самомъ пестромъ разнообразіи такъ называемаго „богоискательства“, среди звонкихъ фразъ и самыхъ необузданныхъ фантазій, всего меньше обнаруживается простого и искренняго порыва не къ какому-то новому, надуманному Христу, а къ единому истинному Сыну Божію, во плоти пришедшему. А между тѣмъ не что иное, какъ именно такое исповѣданіе Христа, по слову апостола Іоанпа, есть единственный масштабъ несомнѣннаго христіанства.

Поэтому особенный интересъ возбуждаютъ, какъ почти единственное исключеніе, сравнительно простыя и искреннія думы автора той книги ¹⁾, внимательное чтеніе которой навело меня на рядъ мыслей, составляющихъ предметъ настоящей статьи. Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что Булгаковъ, на всемъ протяженіи двухъ томовъ своей книги, ни разу не прилагаетъ къ себѣ уже достаточно опошлившейся клички „богоискателя“, да и дѣйствительно — нужно ли „искать“ Бога тому, кто столь опредѣленно и смѣло признается въ томъ, что „Отъ атеистическаго міровоззрѣнія, опиравашагося на извѣстныя научныя и философскія посылки,

¹⁾ С. Булгаковъ. „Два града“. Исследование о природѣ общественныхъ идеаловъ. тт. I и II, 1911. Здѣсь собраны статьи и рефераты автора за послѣдніе пять лѣтъ.

провѣряя ихъ умомъ и сердцемъ, наукой и жизнью, отступая шагъ за шагомъ, я возвратился сознательно къ вѣрѣ дѣтскихъ дней, вѣрѣ въ распятаго Бога и Его Евангеліе, какъ къ полной, высочайшей и глубочайшей истинѣ о чловѣкѣ и его жизни“? ¹⁾).

Но тѣмъ не менѣе, вся дѣятельность С. Н. Булгакова, какъ писателя и мыслителя, настолько тѣсно примыкаетъ къ лучшей и наиболѣе серіозной группѣ нашего интеллигентскаго „богоискательства“, что его все-таки приходится признать однимъ изъ представителей именно этого направления. Зато можно смѣло сказать, что это представитель наиболѣе уравновѣшенный среди своихъ многочисленныхъ содѣятелей, черезчуръ увлеченныхъ полетомъ фантазіи. Поэтому-то онъ и болѣе надеженъ и наиболѣе заслуживаетъ серіознаго вниманія.

Мнѣ хотѣлось-бы, внимательно разобравшись въ идеяхъ и чаяніяхъ С. Н. Булгакова, хорошо обрисовывающихся въ его указанныхъ выше книгахъ, по возможности выяснить слѣдующій существенно важный и интересный для всякаго вѣрующаго вопросъ о положительной цѣнности для вѣры и религіи всего того, что излагается авторомъ и можетъ служить довольно надежнымъ показателемъ тѣхъ религіозныхъ тенденцій, которыя существуютъ, теперь, въ части нашей интеллигенціи. Въ близкой связи съ этимъ стоитъ также и цѣлый рядъ излюбленныхъ „богоискательствомъ“ понятій о

¹⁾ Дв. гр., II, 129. Вообще я считаю, что „богоясканіе“ можетъ быть признаво таковымъ или въ смыслѣ искавія „правды Божіей“ на землѣ, столь присущаго глубинамъ народныхъ массъ, или-же въ совершенно особомъ смыслѣ экстаическихъ порывовъ къ непосредственному, мистическому Богообщенію. Что-же касается разнообразныхъ интеллигентскихъ „богоискацій“ декадентскаго пошиба, то о нихъ я здѣсь не считаю нужнымъ говорить, такъ какъ повидному эта нездоровая волна идетъ на убыль, не принеся христіанству, а тѣмъ болѣе православію, ничего.

Выросшій изъ всего этого уже совершенно анархическій сумбуръ „богоискательской“ мысли почти съ фотографической точностію живописуется въ послѣдней повѣсти П. Д. Воборыкина: „Прорывъ въ вѣчности (Въстп. Европы 1911).

Что же касается людей *обращенныхъ*, пришедшихъ къ Христовой вѣрѣ (или вернувшихся къ ней), то они были во всѣ времена и ихъ обращенія вызывались самыми разнообразными причинами, обычно не носившими характера какихъ-либо „искацій“.

„богочеловѣчествѣ“, „церковности“, „соборности“, „новомъ релігіозномъ сознаніи“, эсхатологическихъ чаяніяхъ, и т. п. и, наконецъ—все то, что противопоставляется боевымъ лозунгамъ современнаго соціализма и что, стало быть, могло бы сослужить полезную службу въ борьбѣ съ надвигающеюся атеизаціей прежде всего интеллигенціи, а черезъ нее и народа. Нужно-ли прибавлять, насколько именно это важно и для православной Церкви передъ лицомъ столь трудной русской дѣйствительности?

I.

Идейный поворотъ части нашей интеллигенціи отъ крайняго матеріализма недалекаго прошлаго совпадаетъ съ наступленіемъ пессимистическихъ сомнѣній какъ въ безграничной силѣ науки, такъ, и это главное, въ счастливомъ исходѣ того, чисто атеистическаго соціальнаго движенія, которое достигло своего идеологическаго апогея въ еще столь недавно всеильномъ марксизмѣ ¹⁾. Нельзя было остаться слѣпымъ къ тому, что на ряду съ проблематическими посулами какого-то необычайнаго и свѣтлаго будущаго, соціализмъ направлялъ всѣ усилія къ подмѣнѣ живого, личнаго и близкаго Бога, безличными схемами самодовлѣющаго и обожествленнаго человѣчества. Съ тѣхъ поръ разочарованіе, мало по малу, прогрессировало, обруку съ роковымъ крушеніемъ научнаго матеріализма, а подъ вліяніемъ недавнихъ, столь близкихъ всѣмъ намъ событій, перешло, у нѣкоторыхъ, въ уже почти открытую ненависть ко всему тому, что во имя фантастическаго будущаго умѣетъ создавать человѣчеству лишь отталкивающее настоящее.

„Соціализмъ есть апокалипсисъ ватуралистической релігійи человѣкобожія“—формулируетъ С. Н. Булгаковъ одну изъ своихъ излюбленныхъ мыслей, и полагаетъ, далѣе, что „Насколько релігія человѣкобожія вообще знаменуетъ собой релігіозное оскуденіе и aberrацию, настолько же и соціали-

1) Зарожденіе и развитіе антматеріалистическаго теченія можно прослѣдить по другому сборнику того-же С. Н. Булгакова: „Отъ марксизма къ идеализму“, появившемуся лѣтъ 8 назадъ. Уже тамъ атеистическому соціализму смѣло противопоставляется глубочайшій изъ вопросовъ человѣчества: „Есть-ли Добро, есть-ли Правда? Другими словами это значить: есть-ли Богъ?“ (стр. XVIII).

стическій хиліазмъ нашихъ дней, хотя онъ и безконечно выигралъ со стороны практической приложимости, представляетъ собой упрощеніе, вырожденіе, даже опошленіе іудейскаго хиліазма“, а роль, отводившаяся здѣсь Мессіи, или прямо Божеству, приписывается „безличному, въ значительной мѣрѣ мѣологическому абстракту, пантеистическому понятію „закона развитія производительныхъ силъ“, при чемъ, однако, и онъ служить прежнюю службу—локомотива, который доставитъ исторической поѣздъ изъ царства необходимости въ царство свободы—въ Zukunftstaat, или въ столицу Моровской Утопіи“¹⁾. До столь ясно выраженнаго сужденія можно было дойти, конечно, лишь путемъ глубокаго перелома и серьезнаго сознанія коренной лжи атенстическаго социализма, возводящаго на мѣсто глубоко отвергаемаго Бога въ лучшемъ случаѣ кумирь „человѣчества“, а въ худшемъ—эгоистическое, самодовлѣющее Я, которому (и это главное), какъ единственному божеству, все дозволено и разрѣшено. Для того-же, чтобы это „вседозволенное“ могло поскорѣе перейти изъ бездѣятельной потенціи въ дѣятельную форму, прежде всего, конечно, требуется устранить, а то такъ и совсѣмъ убить въ человѣчествѣ идею Бога. Именно эту мысль влагаетъ Достоевскій въ уста сверхъестественнаго собесѣдника Ивана Карамазова: „Но моему и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею Бога, вотъ съ чего надо приняться за дѣло!... тогда падетъ все прежнее міровозрѣніе. и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди соединятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непременно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской титанической гордости, явится человѣкъ-богъ“²⁾. Что-же это, какъ не самое чистѣйшее credo всего того, что теперь съ чисто сатанинскимъ натискомъ врывается въ жизнь черезъ всѣ ея двери? И потому вполне понятно идейное отвращеніе, возникающее въ нравственно-чуткихъ людяхъ, соприкоснувшихся, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, съ самой гущей воинствующаго социализма. Но

¹⁾ Дв. гр., II, 116—118.

²⁾ Бр. Карамазовы, ч. IV, гл. 9.

зато и тѣмъ цѣннѣе для религіи обращеніе ихъ къ ней, послѣ тяжелаго душевнаго кризиса, уклонившаго ихъ отъ человѣческой гордости къ Христову смиренію.

Гордыня челоѡкобожескихъ чаяній не остается лишь теоретическимъ построеніемъ, но, наоборотъ, всѣми силами жаждетъ перелиться въ живую дѣйствительность, воплотиться въ ней. Крсмѣ самага дѣятельнаго разрушенія или приспособленія для своихъ цѣлей всякой религіи, а особенно христіанства, соціализмъ, въ его анархическихъ формахъ, стремится во имя все тѣхъ-же, сулимыхъ имъ будущихъ благъ, всячески навязать свои догматическія основоположенія современной мысли, а проводя ихъ въ жизнь, не останавливается и передъ прямымъ насиліемъ. Попирается всякая идея государственности и провозглашается лозунгъ: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!“, еще столь недавно бессмысленно и безчестно провозглашавшійся у насъ передъ лицомъ великихъ національныхъ бѣдствій!

„Но если идеаль насильственнаго спасенія“, говоритъ Булгаковъ, „былъ отвергнутъ даже тогда (въ средніе вѣка), когда выставлялся отъ имени Церкви, то тѣмъ болѣе трудно утверждать его теперь, когда онъ опирается лишь на фактическое самоутвержденіе Левіаѡана, уже безъ всякаго ореола святости лишь обосновывающееся соображеніями практической утилитарности“¹⁾. А что же такое эта „утилитарность“ какъ не пресловутое „общее корыто“, роковымъ образомъ выплывающее черезъ весь туманъ самыхъ фантастическихъ и даже самыхъ красивыхъ соціалистическихъ утопій (вродѣ изящныхъ „Вѣстей ниоткуда“ Морриса)²⁾.

Я не буду останавливаться здѣсь на общественныхъ антисоціалистическихъ аргументахъ, опирающихся на уже кажется вполне безспорное паденіе, въ современной философіи, грубо матеріалистическихъ доктринъ, но считаю весьма важнымъ отмѣтить вновь народившійся, весьма знамена-

1) Дв. гр. I, 174.

2) Не этимъ-ли объясняется почти кошмарное впечатлѣніе даже этой красивѣйшей изъ соціалистическихъ фантазій, не говоря уже о прямо чудовищныхъ вымыслахъ Тарда, Уэллса и многихъ другихъ, менѣе талантливыхъ утопистовъ. Невольно хочется воскликнуть съ Карлейлемъ: „Нѣтъ религіи, нѣтъ Бога! Утерали свою душу и тщетно ищутъ антисептическихъ солей!“

тельный фактъ послѣдней стадіи социалистической пропаганды, именно тактическое обращеніе социализма къ еще очень сильному въ народныхъ массахъ орудію религіозной вѣры. Не стоитъ, пожалуй, говорить и о принципиальной безнравственности этого новаго тактическаго приѣма—борьба вездѣ борьба, и социализмъ, конечно, не первый и не единственный изъ борцовъ, ловко пользующихся подходящимъ ему орудіемъ противника.

Но тѣмъ большее вниманіе должно быть обращено на эту новую тактику, какъ особенно энергично ведущую все къ той-же Карамазовской цѣли—уничтоженію идеи Бога чрезъ промежуточный этапъ приспособленія религіи къ достиженію чисто земныхъ, матеріалистическихъ цѣлей. Религія тщательно „этизируется“, т. е. всѣ ея догматы сводятся къ голымъ нравственнымъ формуламъ, или объявляются совершенно ненужными съ чисто этической точки зрѣнія, признаваемой единственной и безусловной. На первый-же, поверхностный, взглядъ чистая нравственность ни въ какомъ Богѣ не нуждается. Такимъ образомъ достигается, прежде всего, просто отреченіе жадно внимающихъ прозелитовъ отъ мысли о необходимости Бога даже и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о христіанской любви къ ближнему. Непосредственное же внутреннее религіозное чувство притупляется блескомъ социалистическихъ миражей, истинную цѣнность которыхъ трудно раскусить людямъ изъ той среды, куда такая псевдо-религіозная пропаганда по преимуществу направляется. Умышленно замалчивается то, что и Самъ Христосъ все таки на *первомъ* мѣстѣ поставилъ любовь къ Богу, и лишь на *второмъ*—къ ближнему (Маркъ, XII, 29—31), и уже конечно не разъясняется истинно-христіанскій смыслъ этой второй, труднѣшей заповѣди, исключаящей великую ненависть, будь она даже столь нужная социализму—классовая. Но вѣдь кромѣ того, исключительно лишь на одной любви къ ближнему, проповѣдуемой ктому-же далеко не однимъ христіанствомъ, можно построить очень многое, вплоть до самаго рознузданнаго анархизма во имя все той-же любви проповѣдующаго „голаго человѣка на голой землѣ“. А такъ какъ до всего этого трудно додуматься простымъ умомъ и душамъ, обыкновенно лишь очень поверхностно тронутымъ тенденціозной „сознательностью“, то вполне по-

ятна та еще новая смута, вносимая всѣмъ этимъ въ народную, а часто и интеллигентскую, воспримчивую среду.

Недалеко то время, когда дѣйствительно социалистическая пропаганда велась исключительно по одному и тому же шаблону, совершенно правильно указываемому Булгаковымъ. „Всякое приобщеніе народа къ „сознательности“, говоритъ онъ, „или его обвинительствование начинается, во всѣхъ интеллигентскихъ партіяхъ и по всѣмъ ихъ программамъ, разрушеніемъ религіозной вѣры и прививкой догматовъ матеріалиста и философскаго нигилизма. Конечно, необразованный простолудинъ совершенно безсиленъ отнестись критически и безоруженъ какъ ребенокъ передъ наплывомъ новыхъ ученій.

И съ той-же легкостью, съ которой увѣровали въ невѣріе нѣкогда его просвѣтителі, принимаетъ и онъ безотрадную, мертвящую вѣру въ невѣріе“ 1). Этотъ шаблонъ встрѣчается и теперь почти на каждомъ шагу, но наряду съ нимъ отчетливо чувствуется и новая, болѣе тонкая прививка уже не „вѣры въ невѣріе“, а вѣры въ *ненужность религіи* при наличности голыхъ моральныхъ нормъ 2). И надо признаться, что это задумано очень умно и расчетливо. „Самый обыкновенный интеллигентскій максимализмъ, составляющій содержаніе революціонныхъ программъ, просто приправляется христіанской терминологіей или текстами и предлагается въ качествѣ истиннаго христіанства въ политикѣ“ 3). Да и

1) „Дв. гр.“ II, 159.

2) Въ самое послѣднее время нѣкій псевдонимъ, именующій себя „Бывшимъ Б(б?)югословомъ“ выступилъ съ книгой, озаглавленной: „Необходима-ли религія, главнымъ образомъ христіанство, для нравственности“? Отвѣтъ дается, конечно, отрицательный, но зато выдвигается, далеко впрочемъ не новая, „религія морали“ съ вѣрой въ „силу добра въ человѣкѣ“, надеждой на „славное (?) будущее“ и любовью ко „всему человечеству“ (стр. 269). Очень было бы желательно, чтобы подобныя книжки, издаваемыя съ совершенно явной тенденціей, но импонирующія съ ей внѣшней дѣловитостью, не оставались безъ отвѣта въ богословской литературѣ.

3) Дв. гр., II, 210. Но только едва-ли правъ авторъ, оптимистически предполагая, что такой компромиссъ, будто бы, не нуженъ „настоящему интеллигентскому героизму“, который, кажется, еще до сихъ поръ почти исключительно заявлялъ себя со стороны отнюдь не созидательной, а лишь разрушительной и анархической.

схема „морализація“ религіи тоже очень несложна: для нравственности не нужно религіи, что же касается самой нравственности, то, конечно, установленная, такимъ образомъ, на чисто человѣческомъ, земномъ основаніи, она можетъ быть передѣлана какъ угодно, сообразно надобности, а то и прихоти даннаго историческаго или общественнаго момента.

Наряду съ этимъ и тѣсно сюда примыкая, хотя еще пока на строго христіанской, „евангельской“ почвѣ, идетъ и дѣятельное развитіе рационалистическаго сектантства, какъ известно очень легко принимающаго соціально-коммунистическія формы ¹⁾. А перевести христіанство въ рационалистическія формы—это тоже одинъ изъ вѣрнѣшихъ шаговъ къ атеизму, такъ какъ отъ унылой сектантской морали всякому живому человѣку поневолѣ захочется бѣжать хотя бы и въ полнѣйшее, но по крайней мѣрѣ анархически свободное безвѣріе.

Если поднимемся ступенью выше, въ среду съ болѣе широкимъ образованіемъ, то и тамъ обнаружимъ очень частое злоупотребленіе святымъ именемъ Христа для цѣлей, не только чуждыхъ, но враждебныхъ всякой религіи. Такъ называемый историческій критицизмъ протестантскаго направленія уже давно стремится низвести Христа не только на стень простого, и даже не важнаго для Евангелія, раввина - агитатора, но даже сдѣлать его просто миѳомъ (Drews). Сознательно и бессознательно Христа, какъ Бога и истиннаго Сына Божія, удаляютъ изъ Евангелія, за которымъ, однако, еще не рѣшаются отрицать, пока, очень большой силы нравственнаго воздѣйствія. Такимъ путемъ величайшая изъ христіанскихъ книгъ превращается въ сухую нравственную схему, которая, *безъ Христа*, оказывается какимъ-то сборни-

1) Ср. Ibid., 113—114, гдѣ указывается, что именно такія формы почти всегда принималъ средневѣковой религиозный рационализмъ. Затѣмъ стоитъ лишь вспомнить ту разр шительную роль, которую сыгралъ, да играть и теперь рационализмъ—нѣмецкій протестантизмъ. Не даромъ-же именно изъ протестантской среды выходятъ самые ярые ненавистники христіанства, начиная съ пылкаго Ницше и до настойчиваго Дрюса (Drews), прочитавшаго во всей Германіи свои знаменитыя публичныя лекціи о „миѳѣ Христа“. Но знаменательнѣе всего то, что считать Христа „миѳомъ“ открыто не стѣняются даже служители протестантской церкви—пасторы.

комъ чудесь, совершенно безпомощныхъ предъ современной наукой и критикой. Да и правда, коли Христось не Богъ, то стоитъ-ли читать и Евангеліе? Не лучше ли тогда замѣнить его, въ исторической перспективѣ на примѣръ хотя-бы стоиками, а въ современной—ну, положимъ, „Избранными мѣстами для чтенія“ Толстого? И ужъ конечно нужна рѣшимость, чтобы противопоставить всему этому, въ интеллигентской средѣ, утверждение С. Н. Булгакова, что „На скромной и по количеству и по качеству первохристианской письменности еще рѣзче выступаетъ *чудо четвероевангелія*, съ отразившимся въ немъ Ликомъ Христа, этимъ нерукотворнымъ образомъ въ словѣ, и та критика, которая пытается объяснить Евангеліе безъ Христа должна бессильно остановиться предъ этимъ фактомъ. Образъ Христа сочинить нельзя, это выше силъ человѣческихъ, и ужъ тѣмъ болѣе нельзя приписать этого столь скромнымъ сочинителемъ, каковы были авторы новозавѣтныхъ книгъ“¹⁾.

Куда, къ какой дѣйствительности ведетъ все возрастающее и старательно прививаемое обезрелигіозиваніе народныхъ массъ, мы, кажется, уже можемъ догадываться по мимолетно приподнявшейся завѣсь будущаго въ недавно пережитое нами „освободительное“ время. Не мудрено, что это мимолетное прозрѣніе заставило очнуться нѣкоторую часть нашей интеллигенціи, попытавшуюся трезво подвести итоги и разобраться въ возникшемъ-было, звѣриномъ хаосѣ, попытаться озарить его свѣтомъ Христовой вѣры. Тутъ же было расчетовъ на скорое признание, согласіе и благодарность, и тѣмъ болѣе это дорога²⁾.

1) Дв. гр. I, 246, курсивъ мой. Мнѣ думается, что истинность Евангелія могла бы-быть подтверждена еще и исходя изъ чрезвычайной жизненности чисто *психологическихъ* чертъ и черточекъ. обильно разсыпанныхъ въ его текстѣ. Именно эта непосредственная ихъ жизненность и даже, если можно такъ выразиться, „житейскость“, исключаетъ всякую возможность ихъ измышленія, такъ какъ иначе творцовъ Евангелія пришлось-бы признать еще и величайшими п. сателями-психологами.

2) Не даромъ же сборникъ „Вхл“ возбудилъ такую ненависть тамъ, гдѣ изложенныя въ немъ мысли оказываются вредными для тѣхъ-же цѣлей, для которыхъ и всякая религія лишь является камнемъ преткновенія.

II.

Ужасъ и отвращеніе, возбуждаемое всѣмъ тѣмъ, что неустанно прогрессируетъ обруку съ развивающимся атеистическимъ міровоззрѣніемъ, совершенно естественно порождаютъ сомнѣніе въ достоинствѣ и внутреннихъ качествахъ того божества, которое возводится на мѣсто Бога для того, чтобы поставить передъ глазами человѣчества хоть какой-нибудь идеаль, возвышающійся надъ черезчуръ матеріалистическимъ горизонтомъ „всеобщаго благополучія“.

Божество это—„человѣкъ“ или „человѣчество“—сравнительно недавняго происхожденія. Вглядываясь въ историческую перспективу послѣднихъ столѣтій головокружительнаго прогресса прикладныхъ знаній и естественныхъ наукъ, нетрудно увидать именно въ этомъ прогрессѣ источникъ гордаго, человѣческаго самообоженія, достигшаго апогея въ идеѣ человѣкобога. Съ другой стороны кумирь всеильнаго, самодовлѣющаго человѣчества возникаетъ какъ противовѣсъ ипостазированному эгоизму, такъ какъ неискоренимое ничѣмъ глубокое нравственное чувство не мирится съ узко-матеріалистическимъ идеаломъ самообожествленной личности. Но эгоистическій человѣкобогъ или расплывчатый образъ коллективнаго человѣчества, и то и другое возбуждаетъ справедливо сомнѣніе въ результатахъ возникающихъ такимъ образомъ, своего рода, „религій“. Сомнѣніе это питается анархическими притязаніями человѣкобожества и отдаленной туманностью контуровъ когда-то грядущаго, всеобщаго счастья человѣчества. А между тѣмъ оба кумира не перестаютъ безпощадно пожирать все новыя и новыя жертвы, выхватываемыя, вдобавокъ, не изъ худшихъ рядовъ человѣчества. И сомнѣнія эти, обостряясь подъ вліяніемъ многообразныхъ условій современной дѣйствительности, получая остроту болѣзненныхъ разочарованій и не находя положительнаго выхода, невольнo выливаются, въ мягкой русской душѣ, прежде всего въ призывъ къ покаянію и самоанализу.

Раздаются столь чуждо и одиноко звучащіе голоса, призывающіе къ религіозному самоотреченію, къ подвигу, но не „во имя свое“, а во имя Христа. Къ тому подвигу смиренія до смерти, „смерти-же крестныя“, которымъ нѣкогда былъ спасенъ и завоеванъ міръ.

„Въ порядкѣ историческомъ, успѣхъ социализма прежде всего есть кара за грѣхи историческаго христіанства и грозный призывъ къ исправленію“¹⁾, пишетъ С. Н. Булгаковъ, бросая справедливый упрекъ позднѣйшему христіанству въ недостаточномъ развитіи насущныхъ социальныхъ обязанностей, позволившемъ многимъ душамъ устремиться сперва въ соблазнительную сторону челоѡѡкобожества, а затѣмъ и ко всѣмъ порождаемымъ имъ эксцессамъ безудержнаго эгоизма. „Нужно покаяться, т. е. пересмотрѣть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь въ ея глубинахъ и пазухахъ, чтобы возродиться къ новой жизни“... „Теперь вся наша надежда на то, что годы общественнаго упадка окажутся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и годами спасительнаго покаянія, въ которомъ возродятся силы духовныя и воспитаются новые люди, новые работники на русской нивѣ“...²⁾ Вотъ что звучитъ, какъ призывный колоколъ въ книгѣ С. Н. Булгакова.

Но вѣдь одно покаяніе, хотя-бы и сопровождаемое самимъ мучительнымъ признаніемъ прошлыхъ ошибокъ—не будетъ-ли оно лишь растравливаніемъ едва зажившихъ ранъ? Да, это такъ, но дѣло не въ одномъ покаяніи. Нужно, чтобы создалась покаянная атмосфера, очищенная отъ грязнаго тумана нахлынувшей анархіи и столь необходимая для тѣхъ подвиговъ тяжелаго и скромнаго труда, труда невиднаго, но созидательнаго, отъ котораго только и можно ждаты спасенія. Трудъ этотъ, конечно, очень далекъ отъ квіетизма такихъ эпохъ культурнаго процвѣтанія—онъ долженъ самотверженно расчищать путь къ истинно челоѡѡческой, христіанской культурѣ. Нужно, чтобы настроеніе Христовой вѣры, насколько оно еще можетъ хотя-бы отдаленно приблизиться къ идеальному образу далекой, первохристіанской эпохи, проникло всю нашу жизнь, защищая ее несокрушимой броней отъ натиска темныхъ силъ. Для этого-же пужны подвиги и самотверженіе совершенно иного порядка, чѣмъ то героїство, что ведетъ съ одинаковой легкостью, какъ на баррикады и эшафотъ, такъ и къ темному, одинокому самоубійству.

„Какъ между мучениками первохристіанства и революціи,

¹⁾ Дв. гр., II, 46.

²⁾ Дв. гр., II, 211 и 179.

въ сущности, нѣтъ никакого внутренняго тождества, при всемъ внѣшнемъ сходствѣ ихъ подвига, такъ и между интеллигентскимъ героизмомъ и христіанскимъ подвижничествомъ, даже при всемъ сходствѣ ихъ проявленій (которое, впрочемъ, можно допустить только отчасти и условно) остается пропасть¹⁾. Пропастъ-же эта, вырыта той гордой „самостью“, тѣмъ самообоженіемъ, самая мысль о которыхъ показала-бы чудовищной всякому христіанскому подвижнику. А между тѣмъ вся эта-ли именно, поистинѣ дьявольская гордыня, при всей заманчивости сулимыхъ ей близкихъ и далекихъ перспективъ, порождаетъ быстро растущую классовую ненависть, зависть и, въ конечномъ итогѣ, приводитъ не къ чему иному какъ опять-таки все къ тому-же поработенію слабѣйшаго, но лишь на почвѣ иныхъ общественныхъ конфигурацій. Да еще и для этого, какъ оказывается, человѣчеству еще предстоитъ пережить какой-то, едва-ли очень пріятный „скачекъ изъ царства рабства въ царство справедливости“, а такъ какъ справедливость-то тутъ разумѣется „человѣческая, слишкомъ человѣческая“, то естественно начинается казаться, что это будетъ попросту скачекъ изъ одной части въ другую. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ гарантируется исчезновеніе вѣковѣчнаго, анархическаго пасилія сильнѣйшаго надъ единственной почти свободой слабѣйшаго—„свободой поработенности“?

„Человѣкъ есть богъ, ему предстоитъ устроить міръ сообразно требованіямъ своей природы“²⁾—вотъ горделивое утвержденіе самообоженія. И во имя этого-то сомнительнаго лозунга не стѣсняются безпощадно выбрасывать за бортъ все то, чѣмъ жило до сихъ поръ человѣчество. Неблагодарно и враждебно отвергаютъ христіанство, проникавшее всю духовную культуру на протяжении вѣковъ и создавшее все то, что есть у насъ теперь истинно гуманнаго и въ области общественныхъ отношеній, и въ гуманизованномъ кругу юридическаго права. А затѣмъ вѣдь все-таки, въ конечномъ

¹⁾ Дв. гр., II, 210—211.

²⁾ И однако этотъ „богъ“ неуклонно пасуетъ, при всемъ могуществѣ своей науки, передъ всякимъ стихійнымъ бѣдствіемъ, не имѣя возможности ни предсказать его, ни предупредить, а лишь борясь съ нимъ цѣною безчисленныхъ жертвъ и умѣя лишь болѣе или менѣе быстро заживать раны... до ближайшихъ слѣдующихъ.

итоги, если не драпироваться въ красивыя фразы, придется же признаться, что если нѣтъ Бога и моего *личнаго* спасенія и безсмертія, то вся эта выдвигаемая, взаимнѣ, „любовь къ дальнему“, къ „безсмертному человечеству“ и прочимъ, надуманнымъ фетишамъ есть лишь убаюкиваніе тяжелой внутренней неудовлетворенности ¹⁾. Все это, можетъ быть, и очень хорошо и красиво, но лишь до тѣхъ поръ, пока тотъ или иной социальный толчекъ не обнажитъ темнаго ужаса прорывающихся наружу людскихъ инстинктовъ, не сдерживаемыхъ тормозомъ высокаго *личнаго* идеала. И даже неизмѣнно слѣдующее затѣмъ, обузданіе дикихъ экспессовъ тотчасъ-же смѣняется самой безпросвѣтной, утробной пошлостью, слѣпшащей заполнить свою душевную пустоту тѣлесными уладами. Все это, казалось бы, уже такъ не ново, столько разъ повторялось, но тѣмъ не менѣе постоянно замалчивается или пропагандной недобросовѣстностью, или политическимъ безуміемъ.

Какъ-же бороться съ этимъ? Съ чего начать защиту столь безпощадно изгоняемой изъ жизни религіозности? Конечно прежде всего съ попытки открыть глаза руководящихъ классовъ на глубокую принципиальную разницу между социализмомъ и внутреннимъ строемъ первохристіанскихъ общинъ, признаваемыхъ даже врагами христіанства за идеаль истинно-человѣческой общественности, а потому и выставляемыхъ ими, тенденціозно, въ исключительпо социалистическомъ освѣщеніи ²⁾. Этому важному вопросу отводить значительное мѣсто и С. Н. Булгаковъ.

¹⁾ Не потому-ли приходится переносить свои идеалы въ туманную даль, что осуществленіе дѣйствительно христіанской любви не къ „дальнему“, а къ ближнему черезчуръ трудно? Любить „дальняго“ легко и красиво, а вотъ ближняго-то, подь часъ такъ трудно, что только здѣсь постигаешь всю недостигаемую высоту второй Христовой заповѣди.

²⁾ Впрочемъ справедливость требуетъ отмѣнить, что лучшіе представители социализма уже начинаютъ отказываться отъ лишнихъ споровъ о социализмѣ Христа и первохристіанъ, что, по крайней мѣрѣ, правдиво и корректно. Кому не нуженъ Христосъ, какъ Богъ, тотъ пусть честно и прямо откажется отъ примѣненія Его великаго имени для своихъ пропагандныхъ цѣлей. Впрочемъ иногда и открытая ненависть къ христіанству, переходя извѣстныя границы, всеожиданно пріобрѣтаетъ почти апологетическій характеръ, какъ напр. это случилось со статьей г. Кирьева въ сборникъ „Вѣхи, какъ знаменіе времени“.

Основная мысль, которую онъ настойчиво и рѣшительно приводитъ, состоитъ въ томъ, что первохристіанство отнюдь не было движеніемъ, по современной терминологіи, „пролетарскимъ“. „Оно было движеніемъ народнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не классово-экономическимъ, а религіознымъ“¹⁾, хотя, конечно, едва-ли можно отрицать, что въ эпоху зарожденія христіанства неравенство и концентрація имуществъ въ рукахъ немногихъ оптиматовъ, при пролетаризаціи и порабощеніи остальнаго населенія, были основной особенностью эпохи²⁾. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на это, христіанство нельзя было назвать *классовымъ*, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не обуславливалось оно чисто экономическими причинами, какъ это склоненъ утверждать современный социализмъ³⁾. Уже одна несомнѣнная связь распространенія христіанства съ іудейскою діаспорою роднитъ первохристіанство скорѣй съ націоналистическими интересами этой среды. И вотъ сюда-то, въ эту среду, насквозь пропитанную своеобразной іудейскою религіозностью, тѣсно связанную съ ней, въ первое время, первохристіанскія общины вносятъ совершенно новый духъ, устремленности къ Богу душъ, только что прозрѣвшихъ, черезъ Христа. Совершенно ни съ чѣмъ не сравнимый подъемъ религіознаго духа первохристіанъ, почти чудесная напряженность ихъ вѣры, заставлявшая людей, безъ различія пола и возраста, съ радостью идти на лютыя страданія и смерть, едва-ли могутъ быть выведены изъ какихъ-то экономическихъ условій, изъ социальныхъ движеній рабства или, еще меньше, изъ совершенно еще не „сознательнаго“, тогда, пролетариата. Нѣтъ, тутъ было что-то иное, намъ почти непонятное, совершенно осязательные истоки вѣры, изсякшіе для насъ подъ грудю

1) Дв. гр., II, 9.

2) Ibid., 17.

3) Такова напр. главная мысль Каутскаго, проводимая имъ въ его не лишеной интереса книгѣ: „Апичный міръ, іудейство и христіанство“. Жаль только, что изложеніе страдаетъ, здѣсь, обычнымъ тономъ и даже словечками, отличающими, теперь, всякаго „соціалъ-демократа“ изъ старшихъ классовъ гимназій. Общее же направленіе хорошо характеризуется хотя бы, напримѣръ, такимъ типичнымъ сужденіемъ о Цезарѣ, какъ „заделавшемся аристократическомъ авантюристѣ, вступившемъ въ союзъ съ двумя римскими ростовщиками, Помпеемъ и Крассомъ“... (стр. 108).

послѣдующихъ нагроможденій. Первохристиане были подъ трепетомъ и до осязательности реальнымъ впечатлѣніемъ всего того, что произошло въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ того, когда даже преданнѣшій ученикъ Господа отрекся отъ Него—подъ впечатлѣніемъ чуда Воскресенія!

Все то, о чемъ такъ напряженно гадаеть современная евангельская критика, тогда имѣло достовѣрность только что совершившихся фактовъ, породившихъ такой подъемъ чувства мистическаго Богообщенія, о какомъ мы можемъ лишь смутно догадываться по составленію кое съ чѣмъ, проглядывающимъ и теперь на вершинахъ мистическаго экстаза. Не даромъ же именно греческое слово *μάρτυς* (свидѣтель) переводится словомъ „мученикъ“, передающимъ фактъ тѣхъ страданій, которыя переносились за христіанскую истину этими „свидѣтелями“ ея или ихъ ближайшими учениками и послѣдователями ¹⁾). Поэтому вполне понятно, что подходит къ этому удивительному и священному времени съ ограниченной и чисто человѣческой мѣркой социализма или просто бессмысленно, или, если и полезно съ извѣстной точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ ложно и недобросовѣстно.

II. Страховъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Очень знаменательно, что даже филологически слово *μάρτυς*, какъ указываетъ проф. Болотовъ, производится отъ санскритскаго *smṛati* (онъ помнитъ) съ отглагольнымъ, что это „нѣчто такое, чего забыть нельзя“ (Лекц. по ист. древн. Церкви, II, 1910, стр. 4)